

А. Х. МАРГУЛАНРАСКОПКИ ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНА XIV ВЕКА
В ДОЛИНЕ РЕКИ НУРУ¹

В 1949 г. Центрально-Казахстанская экспедиция обследовала интересную группу курганов поздних кочевников, расположенную в 46 км к З от гор. Караганды, недалеко от устья небольшой степной речки Сокур, впадающей в р. Нуру. Вблизи курганной группы имеется много населенных пунктов, ближайшим из которых является аул Жартас (ферма колхоза Молодецкого).

Могильник имеет форму вытянутой с С на Ю цепочки, расположен вдоль вершины небольшого прибрежного холма и состоит из пяти земляных курганных насыпей формы полушария.

Из этой группы курганов выделяются своими сравнительно крупными размерами две крайние насыпи—южная и северная.

Раскопками исследованы четыре из пяти курганов этой группы. В двух курганах не обнаружено никакого инвентаря, в третьем инвентарь был сравнительно беден, и только южный курган оказался наиболее интересным. Богатый и яркий инвентарь этого кургана позволяет судить об уровне культуры и общественной жизни кочевых скотоводов Центрального Казахстана раннего средневековья.

Следует отметить, что история поздних кочевников Центрального Казахстана еще не изучена в археологическом отношении. Очень скудны по этому вопросу и данные литературных источников.

Жартасская (Нурина) группа курганов, исследованная нами, входит в обширный комплекс нуринских памятников. Яркий археологический материал в виде предметов вооружения, бытового обихода и монет дает возможность точно датировать данный комплекс курганов.

Остановимся на характеристике результатов раскопок.

Курган № 2 расположен в 12 м к Ю-ЮЗ от кургана № 1 (рис. 1). Диаметр кургана—11 м, высота—0,5 м. Поверхность насыпи сильно задернована и представляет собой плотный слой толщиной 15 см. При раскопке сразу под дерновым слоем в насыпи стали встречаться астрагалы и другие кости барана.

На глубине 60 см от вершины насыпи находились две могилы прямоугольной формы, вырубленные в сплошном каменном массиве материка. Могилы расположены длинной осью с З на В и залегают на разных глубинах. Дно западной могилы имеет значительный наклон с З на В. Длина могильной ямы—1,4 м, ширина—1,1 м, глубина

¹ В работе экспедиции принимали участие, кроме автора, Г. И. Пацевич, А. А. Попов и студенты-практиканты.

западной половины — 0,9 м, восточной — 1,2 м. На дне ее лежал сильно истлевший костяк, по-видимому, женщины, положенной на спину, головой на В, с вытянутыми ногами и руками, протянутыми вдоль туловища. Из-за неровности дна ямы ноги находились несколько выше головы.

В восточной могиле (длиной 1,5 м и шириной 1,2 м) на глубине 1,3 м обнаружен сильно истлевший детский костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на В. Детское погребение непосредственно сообщалось с западной могильной камерой, и ноги ребенка лежали у головы женщины. Вследствие плохой сохранности костяков нет возможности определить антропологический тип погребенных.

Восточная ориентировка могильных ям довольно характерна для курганов Казахстана и Алтая VI—VIII вв. н. э.² и, несомненно, отражает особенности ритуала, сложившегося на ранних этапах истории патриархально-родового строя.

Совместное погребение мужа и жены, матери и ребенка — довольно распространенное явление в истории кочевых народов. Этот обычай известен по археологическим материалам Казахстана еще с эпохи бронзы³ и особенно часто наблюдается в погребениях ранних кочевников⁴.

В кургане найдено всего лишь одно бронзовое кольцо со щитком округлой формы, лежавшее на глубине 1 м около кисти правой руки ребенка. Диаметр щитка — 20 мм, диаметр петельки — 8 × 15 мм, толщина ее — 4 мм. Кольцо сильно окислилось и расслаивалось на куски. Медное кольцо, аналогичное нашему, известно из раскопок позднекочевнических курганов, относимых А. А. Спицыным к началу XIII в.⁵

Курган № 3 расположен южнее кургана № 2. По форме представляет округлую насыпь с плоской вершиной, диаметром 10 м, высотой 0,7 м. Раскопки велись снятием всей насыпи кургана. С глубины 0,3 м насыпи стали встречаться кости домашних животных: лошади, барана, верблюда и собаки, свидетельствующие о совершенной здесь в древности тризне. На этой же глубине прослежены остатки сильно истлевшего дерева, очевидно, попавшие сюда вместе с жертвенной пищей. У юго-западного угла на глубине 0,7 м от вершины насыпи, почти на уровне горизонта, лежала довольно крупная плита, под которой в небольшом углублении овальной формы оказался костяк собаки, положенной головой на В.

На всей площади раскопки были доведены до материкового плит-

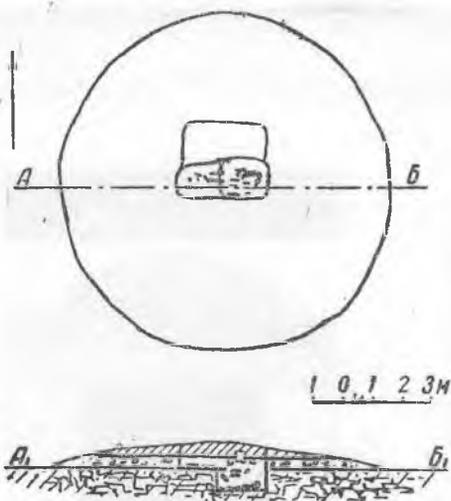

Рис. 1. План и разрез кургана № 2.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 531.

³ М. П. Грязнов. Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Казаки. Антропологический очерк. Л., 1927, стр. 184.

⁴ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 26—27.

⁵ А. А. Спицын. Кочевнические курганы близ с. Драчей. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 153.

няка, но никаких следов погребальной ямы обнаружено не было. Это обстоятельство и большое количество найденных костей домашних животных дают основание заключить, что здесь мы имеем дело с жертвенным местом. Обычай жертвоприношения был широко распространен среди кочевников Центрального Казахстана.

Курган № 4 расположен южнее предыдущего. Он резко отличается от других курганов этой группы своим небольшим размером (диаметр—3 м, высота—20 см) и насыпью из камня с землей (рис. 2).

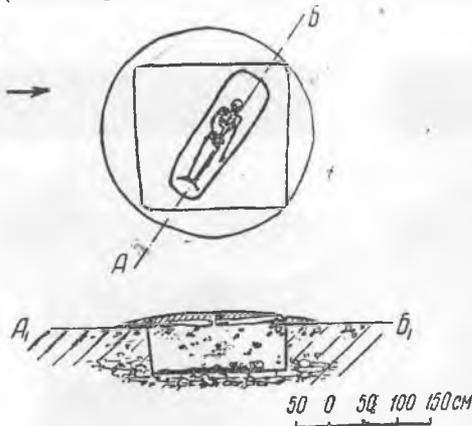

Рис. 2. План и разрез кургана № 4.

На дне камеры обнаружен скелет мужчины, лежавший вытянуто, на спине, головой на СЗ. Левая рука вытянута вдоль бока, правая рука несколько согнута в локте, кистью лежала в области таза. Сохранность скелета хорошая.

Кроме скелета, в кургане ничего не обнаружено. Судя по ритуалу погребения, можно предполагать, что исследуемый памятник относится ко времени XIV—XV вв., так как в его ритуале можно усмотреть воздействие ислама, получившего широкое распространение в Казахстане в период XIII—XV вв. Как известно, ислам запрещал полагать вместе с покойником его одежды, личных предметов и вооружения.

Курган № 5 оказался наиболее интересным из нуринских памятников. Он расположен в юго-восточном конце цепочки, на гребне плоского холма, и вместе с курганом № 4 составляет несколько обособленную часть. Его диаметр—12 м, высота—1 м.

Структура насыпи пятого кургана аналогична остальным курганам этой группы. Дерн мощностью до 15 см, покрывающий насыпь, образовался в течение 600 лет. Дно ямы вырублено в массиве плитняка материкового грунта (рис. 3).

Под дерном, на глубине 10 см, в насыпи у восточной стенки раскола встречены кости барана.

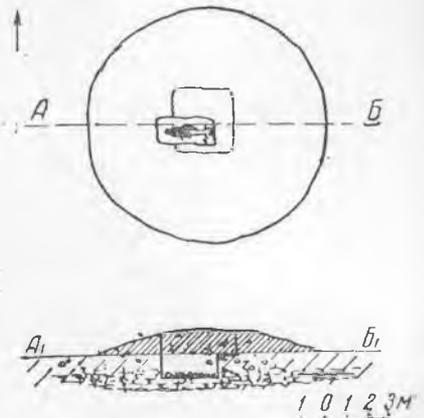

Рис. 3. План и разрез кургана № 5.

После расчистки насыпи на глубине 0,2 м прослежено очертание погребальной ямы, ориентированной по длине с СЗ на ЮВ и перекрытой двумя крупными плитами, положенными поперек могилы. С глубины 0,8 м яма была вырублена в плитняке материка и имела прямоугольную форму с закругленными углами. Ее длина—2 м, ширина в северо-западном конце—0,55 м, в юго-восточном—0,35 м. Устройство погребальной камеры имеет некоторое сходство с позднекипчакскими склепами из сырцового кирпича, обследованными нами в Улутауском районе.

На глубине 0,8 м от горизонта обозначилось очертание прямоугольной ямы, ориентированной длинной осью с З на В. Длина ямы— 2 м, ширина—1,5 м.

При расчистке ямы на глубине 1,8 м от горизонта открыт костяк мужчины средних лет, лежавший вытянуто, на спине, с руками, также вытянутыми вдоль туловища, головой на З (рис. 2). Скелет лежал на плитняке материка и сверху был покрыт березовой корой. Рост человека— 1,65 м, черепная коробка— с очень развитыми надбровными дугами и сильно скошенным назад лбом.

Под берестовым покровом, среди слоя тлена, находились остатки узорчатой шелковой ткани верхней одежды или савана, сохранившейся вдоль тела в виде истлевших кусков. Ткань— довольно тонкой работы, золотисто-желтого цвета с орнаментом из ромбов и со следами узорного шитья. Точно такая же ткань была обнаружена в 1913 г. Б. Зайковским при раскопке одного кургана у Белого Мара, под Саратовом. Кроме того, и по другим находкам Саратовский курган сходен с Нуринским⁶.

В области газовой кости и на ногах найдены истлевшие куски меховых (овчинных) штанов и остатки кожаной обуви, лучше сохранившейся на ступнях.

Особый интерес представляет вооружение воина, около правого бока которого лежал небольшой железный нож, острым концом выступавший из-под локтя правой руки. По форме он восходит к более раннему

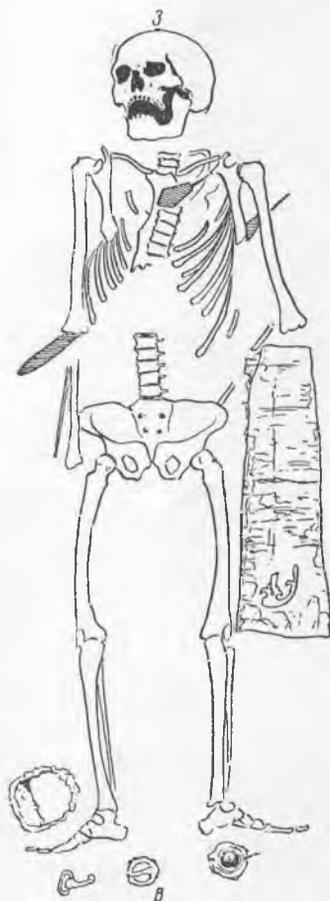

Рис. 4. Погребение в кургане № 5.

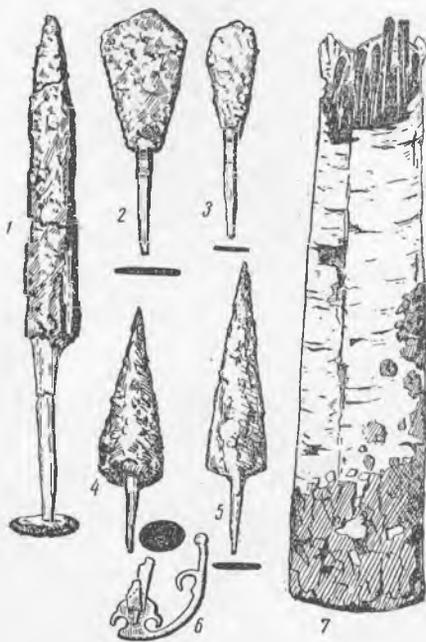

Рис. 5. Инвентарь из кургана № 5: 1—железный нож, 2—5—наконечники стрел, 6—бронзовая пряжка, 7—колчан.

⁶ Б. Зайковский. Раскопка погребения конца XIII в. ТСУАК, вып. 30.

типу кинжаловидных ножей⁷. Нож простой, однолезвийный, с прямым клинком и узким черенком. Рукоятка не сохранилась. Своеобразием нашего ножа является то, что верхний конец его черенка снабжен круглым навершием величиной с крупную пуговицу. У основания черенка имелась обойма, распавшаяся вследствие сильного окисления. Длина ножа — 16 см, ширина клинка — 3 см, диаметр круглого навершия — 3 см (рис. 5).

Нуринский нож-кинжал находит себе близкую аналогию в ряде памятников, относящихся к культуре поздних кочевников (XI—XIII вв). Он имеет большое сходство с кинжалами, у которых «перекрестья прямые, навершия круглые»⁸. Аналогии имеются и в обычаях положения кинжалов или ножей. В ряде курганных погребений Северного Кавказа и Южной Украины ножи были положены всегда у правого бока или у правой кисти⁹.

По погребальному обычаю и инвентарю эти курганы вообще имеют много сходных моментов с пятым курганом жартасской группы (например, колчаны с широким основанием и суженным верхом, ромбовидные плоские наконечники стрел, набор принадлежностей, седла, уздечки и т. д.)¹⁰.

На груди (ближе к области левой ключицы) лежал плоский железный наконечник стрелы, ромбовидной формы, с широким треугольным концом и тонким заостренным черенком (рис. 5, 2). Длина его — 13 см, ширина пера — 4 см. Другой наконечник стрелы находился у лопатки, под левым плечом. Он имеет такую же ромбовидную форму, как предыдущий, но более узкий (рис. 5, 3). Его длина — 11 см, ширина — 3 см. Характерно, что оба наконечника стрел лежали точно так же, как вышеописанный кинжал, — остриями на ЮВ.

Вдоль левого бока лежал большой берестовый колчан, занимая промежуток от локтя левой руки до левого колена (рис. 5, 7). Он был обтянут кожей, следы которой сохранились на колчане в виде мелких истлевших кусков. Здесь же можно было проследить остатки цветного шнура золотисто-желтого цвета, которым, вероятно, были окантованы бортник и швы колчана.

⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 517, рис. 2; М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950, табл. VI, рис. 18, 19.

⁸ Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1902, табл. 1, рис. 2, 4; табл. 4, рис. 33.

⁹ Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии, Труды XIII археологического съезда, т. I, М., 1907, стр. 128—129; Б. Зайковский. Раскопка погребения конца XIII в., Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 30, Саратов, 1913, стр. 230.

¹⁰ См. Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 238—254; В. А. Городцов. Результаты археологического исследования в Бахмутском уезде. Труды XIII археологического съезда, т. I, М., 1907, стр. 266—273; Его же. Типы погребений печенегов, торков, половцев и др. Труды XIII археологического съезда, т. II, стр. 142; Д. И. Эварницкий. Указ. соч. Труды XIII археологического съезда, т. I; Н. Е. Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил, в которых вместе с человеком погребены остовы убитых лошадей. Труды X археологического съезда, т. I, М., 1898; Е. П. Трефилов. Курганы с каменными бабами. Труды XI арх. съезда в Харькове, Спб., 1905; А. А. Спицын. Курганы киев. торков и берендеел. Зап. Археологического о-ва, т. XI, 1899; Его же. Кочевнический курган близ города Юрьева Польского. Изв. Арх. Ком., вып. 15, 1905; Его же. Один из типов погребений в курганах Юж. России. Записки Русск. археологического о-ва, т. VIII, вып. 1/2, 1896; О. А. Кривцова-Гракова. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбург. уезде летом 1927 г. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929; Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Вестник Центрального музея КазССР, № 1, 1930, стр. 72—73; Б. Зайковский. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1930, вып. 30.

По форме колчан представляет собой берестовый футляр, суживающийся кверху и расширяющийся к основанию, типичной формы для колчана VI—XIV вв.¹¹. Длина — 0,6 м, ширина внизу — 15 см,верху — 12 см.

В колчане помещался набор стрел с наконечниками нескольких типов. Все наконечники стрел — черешковые, преобладающую форму их составляют плоские ромбовидные наконечники с широким треугольным концом, затем имеется наконечник вытянутой треугольной формы и вытянутой конусообразной с заостренным концом. Почти все они сильно испорчены от сырости грунта и распались (рис. 5).

Плоские ромбовидные наконечники стрел известны еще с VI—VIII вв. и широко распространены в культуре поздних кочевников¹². Они встречались в большом количестве в курганах Алтая, например, Катанда¹³ и Кудыргэ¹⁴, а также и в степной полосе нашей страны¹⁵.

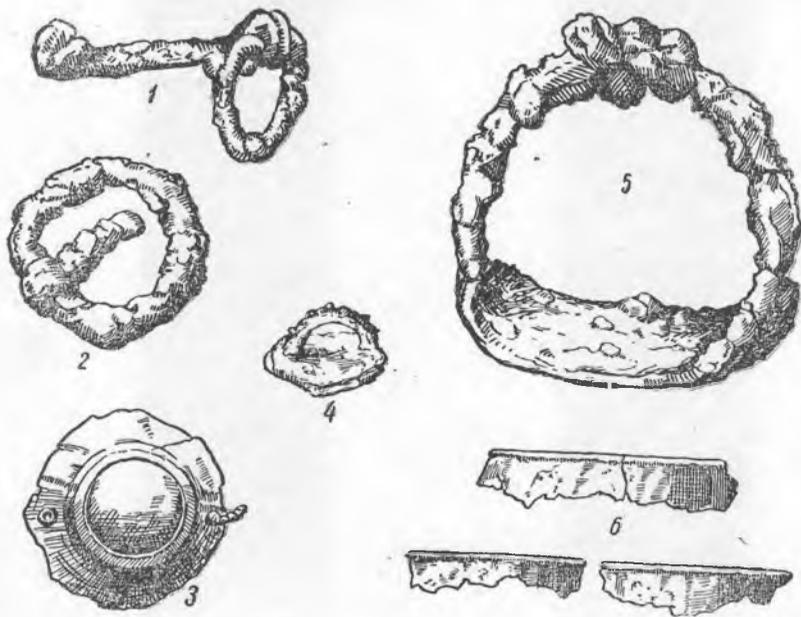

Рис. 6. Инвентарь из кургана № 5: 1 — железные удила, 2 — железная пряжка, 3 — бронзовый налобник, 4 — медная печать, 5 — железное стремя, 6 — обломки серебряной чаши.

¹¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 537, рис. 24; С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, стр. 45, рис. 13; Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 62, рис. 112; В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 429; Д. И. Эварницкий. Труды XIII археологического съезда, т. I, М., 1907, стр. 128; Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье. Материал по археологии Вост. губ., т. III, табл. 8; М. П. Грязнов. Древняя культура Алтая, стр. 10.

¹² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 554.

¹³ А. А. Захаров. Труды Государственного исторического музея, вып. 1, М., 1926, стр. 77, табл. II, рис. 11.

¹⁴ С. И. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, рис. 12, 1—8; С. В. Киселев. Указ. раб., стр. 521, 554; М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая, стр. 10, рис. 149.

¹⁵ А. А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев, стр. 158; Его же. Кочевнические курганы близ с. Драчей, стр. 153; Его же. Один из типов погребений в курганах Южной России, стр. 46; Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1902, табл. IV, рис. 30, 33; Д. И. Эварницкий. Указ. соч., стр. 129.

Плоские ромбовидные наконечники стрел были найдены Н. В. Валукинским в районе Джезказгана, на стоянке древних рудокопов Милы-Кудук.

Вдоль левого бока, над колчаном, по-видимому, был положен лук, от которого сохранились мягкие истлевшие куски дерева.

У левого бока, против локтя, лежали фрагменты серебряной чаши и кости барана (лопатка, предплечье). Чаша — круглой формы, с прямым венчиком и закраиной в виде небольшого валика, слегка выступающего наружу (рис. 6, б). Однако фрагментарность сосуда не позволяет точно установить форму его дна и боковины. Один кусок этого сосуда найден в области таза с левой же стороны, что свидетельствует о том, что чаша положена в погребальную яму в разбитом виде.

Многими исследователями засвидетельствовано, что металлические чаши (бронзовые или серебряные) получили широкое распространение особенно в XI—XIV вв.¹⁶ В погребениях этого периода почти отсутствуют глиняные сосуды¹⁷, столь типичные для кочевнических курганов более раннего времени. Начиная с XI в. в погребениях имущего класса больше встречаются серебряные сосуды вместо прежних глиняных. Такие сосуды в значительном количестве открыты Н. И. Веселовским при раскопках половецких курганов на Северном Кавказе¹⁸ и А. А. Спицыным в Заволжской степи¹⁹. При этом Н. И. Веселовский отмечает, что серебряные блюда чаще находились под локтями погребенных.

Против поясницы, на животе, прослежены куски железа и обрывки кожи, сохранившиеся в виде густого тлена. Это остатки кожаного пояса с наременными железными бляхами, привесками и пряжками, которыми был украшен пояс. Судя по истлевшим кускам железа и кожи, пояс был, по-видимому, не простой, имел привесную сумку (кисе), ножны (кын) и привесные сумочки (окшонтай), украшенные инкрустированными железными бляхами. Об этом говорят как остатки железных блях, так и мелкие обломки серебра среди тлена. Рисунок сложного пояса, восходящего к более раннему типу, помещен в сочинениях Ч. Валиханова²⁰. Аналогичный тип ремня — портупея — известен в русской литературе под названием «берендейка» — т. е. ремень-перевязь с сумкой для патронов и зарядов.

Однако в рассматриваемое время (XIV в.) огнестрельного оружия еще не было, в сумках пояса типа «кисе» или в «берендейках» могли держать лишь огниво, кресало и запасные наконечники стрел.

Сверху колчана, у нижнего его края, лежали остатки сумочки с каркасом и характерной пряжкой из литой бронзы, снабженной фигурным орнаментом в виде бараньих рогов (рис. 5, б). На пряжке сохранился кусочек от ремня, при помощи которого сумочка была прикреплена к поясу или седлу.

В ногах воина лежали остатки узды и принадлежности седельного набора. Седло было положено между ногами. Его остатки сохранились в виде бесформенной массы скипевшихся кусков железа, дерева, кожи и ремня со следами железных шляпок, блях и других украшений.

¹⁶ Е. П. Трефилев. Указ. соч., стр. 139; Д. И. Эварницкий. Указ. соч., стр. 128.

¹⁷ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., стр. 3.

¹⁸ Н. И. Веселовский. Новый тип каменных баб. Труды XII археол. съезда, т. III, стр. 384. Отчет Археологической комиссии за 1895 г., Спб., 1898, стр. 2—3.

¹⁹ А. А. Спицын. Татарские курганы. Известия Таврич. о-ва археологии и этнографии, т. I, 1927, стр. 151.

²⁰ Ч. Валиханов. Сочинения, Спб., 1904, стр. 40.

Одно железное стремя лежало у правой ноги, другое — у левой. Из положения седла и стремян видно, что человек погребен как бы верхом на коне — явление довольно известное в погребениях поздних кочевников²¹.

Одно из стремян сильно попорчено ржавчиной, от него сохранились лишь отдельные куски. Зато лучше сохранилось стремя, лежавшее у ступни правой ноги. Оно относится к типу легких мужских стремян, имеет широкую нижнюю часть, а у основания — плоскую, прорезную подножку и короткую верхнюю петлю для ремня (рис. 6, 5).

К сожалению, его верхняя петля отпала от сильного окисления, но нетрудно представить ее форму²². Высота стремени по вертикальной оси — 11 см, длина подножки — 7 см, ширина подножки — 6 см.

Мужские стремени легкой, рациональной формы известны давно и широко распространены в культурах поздних кочевников. Характерный образец этого типа открыт в могильнике Кудыргэ на Алтае²³ и в Перещепинском кладе²⁴, датируемый VI—VII вв. За последнее время они хорошо изучены С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой, которые относят появление этого типа стремян к VI—VII вв.²⁵ Ими описаны разные варианты указанного типа стремян из раскопок курганов на Алтае и в Минусинской котловине.

Наше стремя по форме совершенно сходно с найденным во втором тайнике кургана № 5 (Копенского Чаатаса)²⁶ и из кургана № 1 с. Куррай²⁷. Все они датируются VI—IX вв.²⁸ Большое сходство это стремя имеет еще со стремем из гаевских находок²⁹.

У восточной стенки могильной ямы, между костями ног погребенного, найдены истлевшие куски кожи и ремня, очевидно, от путлища (таралгы), подпруги (тартпа) и нагрудного ремня (умулдирик). Здесь же лежали окислившиеся и распавшиеся обломки наременных железных блях.

Около пятки правой ступни лежала массивная железная пряжка от подпруги. Пряжка — хорошей сохранности, в виде круглого кольца, 4 см в диаметре и толщиной 4 мм, с язычком (рис. 6, 2).

Аналогичные пряжки были обнаружены М. П. Грязновым на Алтае в сросткинских курганах IX—X вв.³⁰, встречались неоднократно также и при раскопке половецких курганов с конскими погребениями³¹.

Из других находок в кургане № 5 обращает на себя внимание бронзовый налобник чашеобразной формы. Он лежал под пяткой ле-

²¹ Ф. Д. Нефедов. Указ. соч., стр. 33; Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., стр. 5.

²² Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 39, рис. 65; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 537, табл. 4, рис. 22.

²³ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Указ. соч., рис. 16, 2.

²⁴ А. Бобринский. Перещепинский клад. Материалы по археологии России. № 34, табл. VII, рис. 15 и 16.

²⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 518.

²⁶ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 39, рис. 65.

²⁷ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 537, табл. рис. 22.

²⁸ Там же, стр. 518—520; Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 38.

²⁹ Гаевские находки Валуйского уезда. Воронежской губернии. Отчет Археологической комиссии за 1905 г., Спб., 1908, стр. 96, рис. 118.

³⁰ М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950, табл. VII, рис. 20.

³¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, стр. 266, рис. 69; Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринбургской губернии, стр. 128; Е. П. Трефилев. Археологическая экскурсия в Кулянский уезд. Труды XII Арх. съезда в Харькове. Спб., 1905, стр. 139, рис. 27.

вой ноги, рядом с остатками от седла. Верхняя круглая выпуклость налобника окаймлена кольцеобразным валиком и двумя параллельными линиями, сделанными прорезью. На двух противоположных сторонах имеется по одному отверстию, на одном из которых сохранилась железная петелька для ремня, при помощи которой налобник прикреплялся к узде (рис. 6, 3). Диаметр налобника — 8 см, высота — 3 см, толщина стенки — 2 мм.

Бронзовые налобники этого типа были обнаружены в половецких погребениях с конями (XI—XIII вв). Некоторые исследователи определяли его как «бронзовую чашечку оригинальной формы с круглым дном и узким венчиком»³². Характерно, что эта «бронзовая чашечка» всегда находилась в погребениях либо в группе седельного набора, либо вместе с вооружениями. Эварницкий ее обнаружил около колен вместе с железными копьями и железными наконечниками стрел плоской ромбовидной формы³³.

Судя по археологическим материалам, налобники встречаются очень редко и только в курганах поздних кочевников, причем изготовлялись они из разного металла. Имущий класс делал их из благородного металла и более нарядно. В этом отношении характерны находки из погребения близ хутора Гаевки, Валуйского уезда, Воронежской губернии. Здесь найдены «две выпуклые серебряные бляшки, фигурные, с ушами, позолоченные по орнаменту»³⁴. По технике выделки и отчасти по форме они имеют аналогию с нашим налобником; близки к нему по форме и орнаменту «бляхи», обнаруженные О. А. Граковой в верховьях р. Урала, в позднекочевнических погребениях с конями. Эти «бляхи» найдены у головы коня, против ушного отверстия, поэтому они определены ею как «нащечники»³⁵.

Около юго-восточного угла могильной ямы, против правой ступни человека, прослежены истлевшие остатки уздечного набора, состоявшие из сильно окисленных обломков железа, кусков кожи со следами железных блях, застежек и заклепок. Здесь же лежало второе звено двусоставных железных удил с подвижным кольцом (рис. 6, 1). Длина его — 8 см, диаметр кольца — 5 см.

Простые кольчатые удила относятся к более совершенной форме уздечного набора и конского снаряжения вообще, они известны с III—IV вв. н. э. и широко бытуют в поздние периоды.

Двусоставные удила с подвижными кольцами найдены при раскопке позднекочевнических курганов у с. Катанды³⁶, в Кудыргэ³⁷ и в других местах Алтая³⁸, а также в кипчакских погребениях в верховьях р. Урала.

Все эти находки, относящиеся к конскому убору, хорошо рисуют картину постепенного развития верховой езды и связанного с ней усовершенствования седельного и уздечного набора на протяжении многих веков. Богатый материал по конскому убору дают особенно поло-

³² Е. П. Трефилев. Указ. соч., стр. 139.

³³ Д. И. Эварницкий. Указ. соч., стр. 128—129.

³⁴ Гаевские находки, Залуйского уезда, ОАК за 1905 г., стр. 95, рис. 109, стр. 96, рис. 115.

³⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929, стр. 292—294, рис. 6.

³⁶ А. А. Захаров. Указ. соч., Труды Госуд. исторического музея, вып. 1, М., 1926, стр. 77.

³⁷ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Указ. соч., стр. 47, рис. 16—6, 7.

³⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. VI, рис. 16, табл. VII, рис. 21.

веcko-кипчацкие захоронения, сопровождаемые конскими погребениями³⁹.

Наш пятый курган из нуринской группы по характеру погребения и инвентарю близок к курганам позднекипчацкого времени (XIV в.).

Аналогичные нуринскому пятому кургану памятники исследованы на р. Суундык, возле аула Худайберген (курганы III—IV) Б. Н. Граковым, который пишет: «Инвентарь этих погребений весьма характерен для определения эпохи. При двух мужских костяках оказались берестяные колчаны, суживающиеся к верхнему концу (рис. 5, 7), из них один с костяной обкладкой. Характерные удила с подвижными кольцами (рис. 6, 1), обломок стремени, железные ножи, берестяной цилиндрический «бокка» на черепае женщины, железные и медные оправы для кистей на сбруе, медная чашечка (рис. 6, 3). Все это характерные вещи для кочевников XIII—XIV вв., для времени начала господства феодальной Золотой Орды»⁴⁰.

После удаления скелета и колчана выяснилось, что дно могильной ямы пятого нуринского кургана было покрыто густым слоем тлена, очевидно, от одежды, который лежал более плотной массой под колчаном и под левой половиной скелета человека.

Между слоями остатков одежды у кисти левой руки обнаружен небольшой шелковый мешочек (калта). В нем оказались две кожаные сумочки, из которых одна имеет вид кожаного кошелька, расшитого крученой ниткой из сухожилия (тарамыс), в котором находились три серебряные монеты прекрасной сохранности.

В другой сумочке содержались сильно спрессованные крупинки какой-то порошкообразной массы белого цвета, похожие на остатки зубов. Вполне возможно, что в этом мешочке хранились зубы самого покойника, выпавшие еще при жизни и положенные вместе с ним после его смерти. Обычай хранить выпавшие зубы в специальном сверточке наблюдался и в быту казахов в более позднее время.

Шелковая ткань от одежды (рис. 7) имеет золотисто-желтый или коричневый цвет. Узор из ромбов напоминает рисунок на декоративных плитах архитектурных сооружений X—XIII вв.

Находки шелковых и кожаных мешочков с монетами и разными вещами известны также в курганах Алтая и, особенно, в половецких погребениях XII—XIV вв. Наши находки имеют близкую аналогию в первую очередь с материалами из кургана № 1 четвертой группы Курая (Алтай), раскопанного С. В. Киселевым, где им открыт шелковый мешочек, отделанный серебряными бляшками и лунницами, в котором находилось трапециевидное железное кресало и два шелковых мешочка меньших размеров. В первом лежали три зуба человека⁴¹.

Кожаный мешочек с несколькими обломками кремня, железным огнивом, остатком трех шелковых мешочков обнаружен и в кургане № 4 Туяхта (Алтай)⁴². Совершенно сходным с нашими является от-

³⁹ В. А. Городцов. Результаты арх. раскопок в Бахмутском уезде. Труды XIII археологического съезда, т. I, стр. 271—273; Е го же. Типы погребений печенегов, торков, половец и татар. Труды XIII археологического съезда, т. II, стр. 142; Е. П. Трефилев. Курганы с каменными бабами, стр. 141; Д. И. Эварницкий. Указ. соч., Труды XIII археологического съезда, т. I, стр. 125—130; Н. И. Веселовский. Новый тип каменных баб. Труды XII археологического съезда, т. III, стр. 383—384; А. А. Спицын. Кочевнический курган близ города Юрьева Польского. «Изв. Арх. Ком.», вып. 15, 1905, стр. 80—82. Е го же. Курганы киевских торков и берендеев. Зап. арх. о-ва, т. XI, 1899; Е го же. Один из типов погребений в курганах Южной России. Зап. русск. арх. общ., т. VII, вып. 1/2, 1896, стр. 45—48.

⁴⁰ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 96.

⁴¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 536—538

⁴² С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 541.

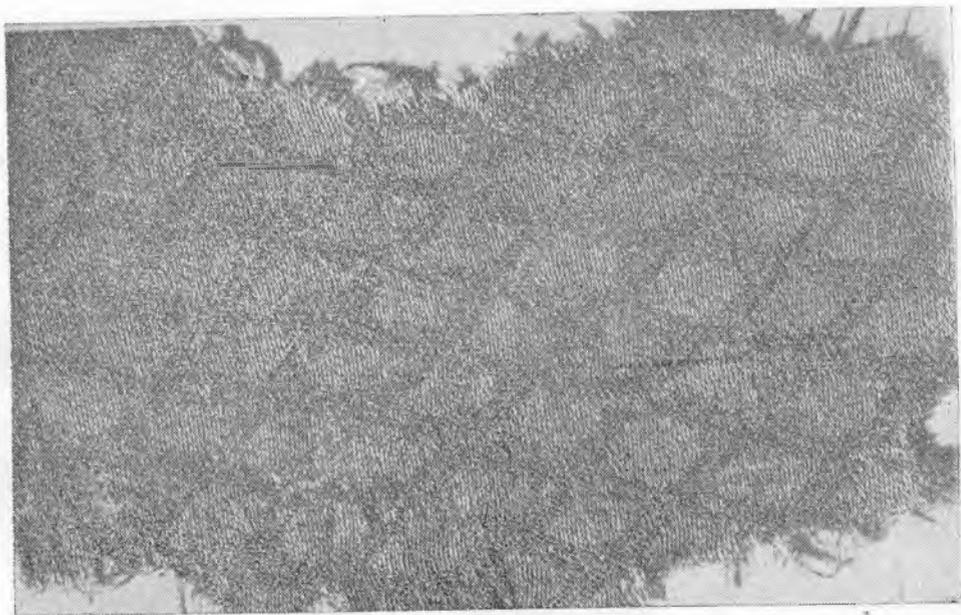

Рис. 7. Шелковая ткань из кургана № 5.

крытый Н. И. Веселовским на Кубани в кургане № 10 кожаный мешочек, заключавший в себе «белилу», или белую порошкообразную массу, а в кошельке — три серебряные монеты феодальной Золотой Орды (XIV в.)⁴³.

Кожаных кошельков, расшитых шелком, тонкой серебряной ниткой, особенно много найдено А. Самоквасовым в курганах Северного Кавказа, датируемых XIII—XIV вв. За исключением единичных случаев, кошельки в этих погребениях лежали обязательно у левой кисти, подобно нашим⁴⁴.

Для датировки пятого кургана нуринской цепочки существенное значение имеют находки серебряных динаров, чеканенных в тридцатых годах XIV века. Эти находки, по-видимому, свидетельствуют о торговых связях между среднеазиатскими городами и северными областями древнего Казахстана и подтверждают проникновение денежного обращения в Центральный Казахстан еще в период раннего средневековья (XIV в.).

Монеты из пятого кургана нуринской цепочки представляют собой массивные серебряные кружки⁴⁵ диаметром от 30 до 33 мм и весом до 8 г. Они выпущены одинаковым достоинством в один и тот же период и находились в обращении во время господства монгольской династии джагатаидов, чеканивших свои монеты в Бухаре, Самарканде, Термезе и отчасти в Отраре⁴⁶. В нашем кургане оказались монеты, чеканенные в тех же городах: одна чеканена в Самарканде,

⁴³ Производство раскопок (проф. Н. И. Веселовский) в Кубанской обл. Отчет арх. комиссии за 1896 г., Спб., 1898, стр. 41.

⁴⁴ Д. Я. Самоквасов. Могущество русской земли. 1908, стр. 246—248.

⁴⁵ Подробное описание их см. ниже, в статье проф. М. Е. Массона, «Серебряные монеты XIV в. из погребения могильника в бассейне реки Нуры». (Настоящий сборник).

⁴⁶ П. С. Савельев. Монеты джундские, джагатаидские, джелаирские и другие. Труды русского археолог. о-ва, т. III, вып. 2, Спб., 1857, стр. 360.

другая — в Бухаре и третья — в Термезе. Все они отличаются от монет, чеканенных после 30-х годов XIV в.; т. е. после того периода, когда господствующий феодальный класс официально принял реакционный ислам, служивший орудием для эксплуатации темных народных масс.

Найденные нами монеты несколько расплющены холодной ковкой, благодаря чему надписи и гербовые знаки (тамга) местами стерты, а орнаментация, напротив, уцелела. Интересно отметить, что на всех монетах умышленно стерто имя хана или другого властелина, от имени которого были выпущены эти монеты, зато сохранены названия городов, где чеканились монеты (Бухара, Самарканд, Термез).

Этим актом как бы выражен протест против владычества монгольской династии джугатаидов, некоторое время господствовавшей в Отраре и Сыгнаке⁴⁷ и распространявшей свое влияние далеко на север, на племена, кочевавшие между Сыр-Дарьей и Центральным Казахстаном.

Главную особенность нуринских монет составляет то, что на них еще не так сильно отражено влияние ислама; они почти свободны от догматических формул и пышной мусульманской титулатуры, характерных для более позднего времени (XIV—XV вв.). Зато эти монеты сохраняют языческие изображения знаков собственности (тамга) и орнаментальное украшение из геометрических фигур, треугольников, ромбиков, звезд, розеток, в виде сердца и стилизованных роговых мотивов. Однако с усилением господства ислама (середина XIV в.) эти изображения постепенно вытесняются и заменяются сплошной легендой из религиозных догматических формул ислама и пышной титулатурой, которые соответствовали интересам эксплуатирующего феодального класса.

По своему характеру нуринские монеты относятся к более раннему чекану джугатаидских монет, по типу сходных с монетами, чеканенными монгольскими завоевателями в Бухаре во второй половине XIII в.⁴⁸ На этих монетах еще нет разграничения, типичного для поздних джугатаидов или времени феодального завоевателя Тимура; тамги и орнаменты — старые, имеют сходство с золотоордынскими монетами конца XIII и начала XIV вв. С последними сходны, в частности, изображения шестиконечных звезд, сердцевидных розеток, фертообразных тамг и прочие. Дата на одной монете указывает на первую четверть XIV в.

Нужно сказать, что обычай снабжения умершего деньгами характерен главным образом для погребения поздних кочевников, и возникновение этого обычая связано с дальнейшим усилением классовых противоречий и первым распространением среди них денег как товара товаров⁴⁹.

Судя по археологическим данным, деньги находились больше всего в половецких и печенежских погребениях IX—XIV вв. При раскопке этих курганов обнаружены монеты арабские, русские, византийские и другие, чеканенные в разных городах и от имени разных феодальных властелинов⁵⁰. Серебряная куфическая монета VIII в. найдена В. А. Городцовым при раскопке так называемой зливкинской груп-

⁴⁷ Там же, стр. 357.

⁴⁸ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 360.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 298.

⁵⁰ Гаевские находки Валуйского уезда, Воронежской губернии. Отчет археологической комиссии за 1905 г., Спб., 1908, стр. 95; Д. Я. Самоковасов. Могилиники русской земли. М., 1908, стр. 250, 254.

пы позднекочевнических курганов, которые он относит к торкам (VIII—IX вв.)⁵¹. Серебряные диргеми в количестве 10 штук с арабской надписью и чеканенные в Шаше и Самарканде (IX в.) были обнаружены В. Гезе в позднекочевнических курганах с конями⁵².

Из целого ряда археологических находок видно, что обычай снабжения умерших деньгами и инвентарем имеет место в погребениях кочевников еще в конце XIV и начале XV вв., хотя в это время он встречает сильное противодействие со стороны реакционного ислама, ставившего себе задачу уничтожить основу патриархальной идеологии, господствовавшей до него в среде кочевников-скотоводов. Из языческо-кочевнических погребений, снабженных монетами, близкую аналогию с пятым курганом нуринской группы имеют известные находки из гаевского клада⁵³ и острогожских курганных погребений, относимых к половцам⁵⁴.

При раскопках последних найдены монеты разного времени, из них одна золотая XII в., другая — серебряная монета XIV в.

Характерно, что и здесь в погребениях обнаружен такой же набор предметов, состоявший из остатков седла, конской узды и пары стремян⁵⁵. Нуринское погребение с монетами более сходно с находками из Северного Кавказа, где при вскрытии одного из курганов обнаружен кошелек, похожий на кошелек из нуринского пятого кургана, в котором оказались также три серебряные монеты, чеканенные феодальной Золотой Ордой⁵⁶.

Сравнительный анализ археологических находок показывает, что курганы поздних кочевников с нумизматическими находками по обычаю и инвентарю очень сходны между собой и имеют много общего с пятым курганом нуринской группы. Для этих курганов характерен общий принцип погребения человека в сравнительно обширной камере, вытянуто, на спине, головой на З, изредка на В. Если погребен мужчина, то обязательно вместе с ним кладут его личные предметы и вооружение. Кроме того, его сопровождает целый костяк или часть конского скелета (конский череп)⁵⁷—обычай, сложившийся еще в эпоху бронзы и получивший широкое распространение в период ранних кочевников.

⁵¹ Труды XII археологического съезда в Харькове, 1905, стр. 510.

⁵² В. Гезе. Указ. соч., стр. 144.

⁵³ Отчеты археологической комиссии за 1905 г., стр. 95.

⁵⁴ См. Труды X археологического съезда, т. I, М., 1898, стр. 6; Известия любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те, т. XXXI, Антропол. выставка, т. II, стр. 7; т. III, стр. 348; Д. Я. Самоковасов. Могильники русской земли, стр. 250.

⁵⁵ Антропологическая выставка, т. II, стр. 7; Труды X археологического съезда, стр. 6.

⁵⁶ Отчеты археологической комиссии за 1896 г., Спб., 1898, стр. 2, 41.

⁵⁷ В. А. Городцов. Бытовая археология, стр. 424—429; Его же. Результаты арх. исслед. в Бахмут. уезде. Труды XIII археологического съезда, I, 1907; Его же. Типы погребений печенегов, торков и половцев. Труды XIII археологического съезда, т. II, стр. 142; А. А. Спицын. Кочевнический курган близ гор. Юрьева Польского. Известия археологической комиссии, вып. 15, 1905; Его же. Татарские курганы, стр. 149—153; Его же. Один из типов погребений в курганах Южной России, стр. 45—48; Н. Е. Бранденбург. Указ. работа. Труды X археологического съезда, т. I, стр. 1; Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 г.: Д. И. Эварницкий. Указ. соч., Труды XIII археологического съезда, т. I, М., 1907; Е. П. Трефилев. Курганы с каменными бабами. Труды XII археологического съезда. Спб., 1902; Ф. Д. Нефедов. Отчет о археологич. исслед. в Южном Приуралье. Материалы по арх. Восточ. губ., т. III; О. А. Кривцова-Гракова. Погребения поздних кочевников. Труды секции арх. РАНИОН, т. IV, 1929; Б. Н. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана, стр. 70—73; Б. Зайковский. Раскопки погребения конца XIII в. Труды Саратов. ученой архивной комиссии, вып. 30, Саратов, 1930, стр. 230.

Характерно, что в кочевнических курганах XIII в. очень редко встречаются монеты. Это объясняется, вероятно, тяжелыми последствиями монгольского завоевания, приведшего к прекращению торгового обмена на протяжении десятков лет и, главное, к разрушению торговых и ремесленных центров, поддерживавших связь со скотоводческими областями. Погребения поздних кочевников пока дают монеты, относящиеся либо к периоду VII—XII вв., либо только к XIV или началу XV вв., исключение составляет находка серебряной монеты 1292 г. в кургане около Саратова⁵⁸.

Монеты из пятого кургана нуринской цепочки являются пока единственными нумизматическими памятниками, найденными на территории Центрального Казахстана. Как средство обращения и мера стоимости они могли попасть в эту область только благодаря торговой связи и в тот период, когда имелись условия для обмена ремесленных изделий и развития торговли. Исследованные курганы нуринской группы дают некоторый материал для суждения о проникновении ислама на территорию Центрального Казахстана. Влияние ислама сильно сказывается особенно в кургане № 4, в котором не обнаружено ни одного предмета.

В погребении пятого кургана влияние ислама отражено не так сильно, но в нем ясно видно начало переломного момента — переход родовой идеологии от патриархальной к новым надстроечным явлениям, порожденным уже феодальным базисом, отражением которого в это время явился ислам.

Таким образом, раскопкой нуринской группы курганов получен новый археологический материал, дающий представление о быте, вооружении и идеологии древних племен Центрального Казахстана XIV в. Эти памятники представляют особый интерес и дальнейшее изучение их должно обогатить нашу советскую науку новыми, еще более интересными данными, проливающими свет на историю и культуру народностей древнего Казахстана.

⁵⁸ Б. Зайковский. Раскопка погребения конца XIII в., Труды Саратов. ученой архивной комиссии, вып. 30, стр. 230.